

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_1_14

МРНТИ 05.31.15

Аблажей Н.Н. *

Институт истории Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Причины и специфика миграционного кризиса в городах в период первой волны паспортизации населения СССР

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу миграционной политики, в связи с неконтролируемым ростом численности городского населения и попыткой союзной власти через паспортизацию решить вопрос о контроле за перемещением населения, регулировании потоков из села в город и снабжении городов. В начале 1930-х гг. имел место миграционный кризис, который возник из-за противоречия между наличием, с одной стороны, стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения и, с другой, огосударствлением экономики, в том числе сферы труда.

Текущими задачами паспортизации стала «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпинизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования с постепенным расширением зоны охвата. В ходе исследования сделан вывод, что паспортизация спровоцировала миграционный кризис в крупных и индустриальных городах СССР. В 1933–1934 г. властям за счет паспортизации удалось резко снизить масштаб миграции в города, но уже в 1935 г. ее уровень вернулся на прежние показатели. Анализ политики и практики в области паспортизации иллюстрирует широкое применение принудительных выселений как депортационного типа, так и вынужденных, что служит подтверждением репрессивных функций советской паспортной системы. Паспортизация обострила проблему контроля за перемещением населения как в области учета, так и регулирования потоков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграционный кризис, города, урбанизация, паспортизация, выселения, отходничество

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Аблажей, Н.Н. Причины и специфика миграционного кризиса в городах в период первой волны паспортизации населения СССР. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 211-222. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_1_14

История статьи:

Получено: 28.01.2026

Принято: 25.02.2026

Опубликовано: 31.03.2026

* Автор-корреспондент: Аблажей Наталья Николаевна, e-mail: ablazhey@academ.org

КСРО халқын паспорттаудың бірінші толқыны кезеңдегі қалалардағы көші-қон дағдарысының себептері мен ерекшелігі

АҢДАТПА. Мақала қала халқы санының бақылаусыз өсуіне және одақтық биліктің паспорттау арқылы халықтың қозғалысын бақылау, ауылдан қалаға ағындарды реттеу және қалаларды жабдықтау туралы мәселені шешу талдауына байланысты көші-қон саясатын талдауға арналған. 1930 жылдардың басында көші-қон дағдарысы орын алды, ол бір жағынан, қозғалыс еркіндігіне негізделген стихиялық еңбек нарығының болуы және екінші жағынан, экономиканы, оның ішінде еңбек саласын мемлекет иелігіне алу арасындағы қайшылықтан туындады. Паспорттаудың ағымдағы міндеттері қалаларды маргиналды және люмпинизацияланған халықтан «босату» немесе «тазарту», сондай-ақ есепке алу жүйесін құру болды. Орта мерзімді мақсаттарға артық жұмыс күшінің басым индустриялық даму аймақтарына ағылу мүмкіндігін сақтай отырып, ауыл халқының қалаларға көшуін шектеуді, сондай-ақ жұмыс күшінің жетіспеушілігі жағдайында «әлеуметтік паразитизмді» жоюды жатқызуға болады. Ұзақ мерзімді мақсат ретінде көші-қонды қамту аймағын біртіндеп кеңейте отырып, әкімшілік реттеу әдістерімен бақылауға мүмкіндік берген басым даму аумақтарында халықтың ұлттық тізілімін құру қарастырылды. Зерттеу барысында паспорттау КСРО-ның ірі және индустриялық қалаларында көші-қон дағдарысын тудырды деген қорытынды жасалды. 1933-1934 жылдары билік паспорттау есебінен қалаларға көші-қон ауқымын күрт төмендеті алды, бірақ 1935 жылы оның деңгейі бұрынғы көрсеткіштеріне қайта оралды. Паспорттау саласындағы саясат пен практиканы талдау депортациялық үлгідегі де, мәжбүрлі үлгідегі де мәжбүрлі көшіруді кеңінен қолдануды бейнелейді, бұл кеңестік паспорт жүйесінің қуғын-сүргіндік функцияларын растайды. Паспорттау ағындарды есепке алу, сондай-ақ реттеу саласында халықтың қозғалысын бақылау проблемасын шиеленістірді.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: көші-қон дағдарысы, қалалар, урбанизация, паспорттау, шығару, қалдықтар.

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Мақала «Ресейдің шығыс аймақтарының 20-21 ғасырдың басындағы әлеуметтік-экономикалық әлеуеті: басқару стратегиялары мен тәжірибесі, динамикасы, геосаяси контекст» (FWZM-2024-0005) жобасы аясында дайындалған.

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Аблажей, Н.Н. КСРО халқын паспорттаудың бірінші толқыны кезеңдегі қалалардағы көші-қон дағдарысының себептері мен ерекшелігі. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 211-222. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 1 14

Causes and Specifics of the Migration Crisis in Cities During the First Wave of Certification of the Population of the USSR

ABSTRACT. The article is devoted to the crisis of migration policy, in connection with the uncontrolled growth of the urban population and the attempt of the Union government through introduction of the passport system to solve the issue of population control, regulation of flows from villages to cities and supply of cities. In the early 1930s, there was a crisis of migration policy, which arose due to the contradiction between the presence, on the one hand, of a spontaneous labor market based on the freedom of movement and, on the other, the nationalization of the economy, including the sphere of labor.

The short-term tasks of the passport system were "unloading" or "cleansing" of cities from the marginal and lumpenized population, as well as the creation of a registration system. Medium-term goals include limiting the migration of the rural population to cities while maintaining the possibility of the flow of excess labor to priority industrial development zones, as well as the elimination of "social parasitism" in conditions of labor shortages. The long-term goal was to create a national population register in priority development areas, which would allow migration to be controlled by administrative regulation methods, with a gradual expansion of the coverage area. The study concluded that introduction of the passport system provoked a migration crisis in large and industrial cities of the USSR. In 1933–1934, the authorities managed to sharply reduce the scale of migration to cities due to the passport system, but already in 1935 its level returned to previous indicators. An analysis of the policy and practice in the field of the introduction of the passport system illustrates the widespread use of forced evictions including deportations, which serves as confirmation of the repressive functions of the Soviet passporting. The passport system exacerbated the problem of population control both in the field of registration and regulation of flows.

KEYWORDS: migration crisis, cities, urbanization, passport system, evictions, seasonal work.

CONFLICT OF INTEREST: The authors declares that there is no conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: The article was prepared within the framework of the project «Socio-economic potential of the eastern regions of Russia in the 20th – early 21st centuries: management strategies and practices, dynamics, geopolitical context» (FWZM-2024-0005)

FOR CITATION: Ablazhey, N.N. (2025). Causes and specifics of the migration crisis in cities during the first wave of certification of the population of the USSR. *Social Sciences & Digital Humanities*, 1(1), 211-222. <https://doi.org/10.51885/3107-2755> SSADH 2026 1 14

ВВЕДЕНИЕ

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. На заре своей истории советская власть ликвидировала паспортную систему, но спустя полтора десятилетия возродила.

Научная проблема состоит в необходимости выявления специфики советской паспортной системы, оценки ее роли в формировании системы учета населения, региональных особенностей, а также оценки эффективности в плане контроля за мобильностью населения, дальнейшей советизации и трансформации общества. Паспортизация привела к созданию сопутствующей инфраструктуры, породила административные и социальные практики, ограничивающие свободное движение граждан внутри страны, зафиксировав фактическую принадлежность населения государству. Именно ограничения по паспортным основаниям отличают советскую паспортную систему от других национальных паспортных систем и в первую очередь тем, что на территории одной страны сложились разные паспортные режимы, плюс – на части территории паспортная вообще не проводилась. Это наглядно показывает, что для центральной власти стратегическое значение имели не только столицы, но и имевшие в первую очередь военно-промышленное значение крупные индустриальные центры и стройки, а также западные и восточные границы.

Изучение истории паспортной системы востребовано в плане изучения феномена режимности, как атрибутивного признака советской системы. Большевики через паспортную систему попытались ограничить рост численности населения городов и ввести контроль за миграцией сельского населения. С другой стороны, паспорт стал средством, которое связало население с государством, и это дает основания утверждать, что сложившаяся система учета и контроля стала, с одной стороны, аналогом «нового крепостничества», с другой, важным фактором разрушения традиционного общества и его советизации. Одновременно посредством паспортной системы произошло, во-первых, разделение общества на паспортизированных и беспаспортных, а во-вторых, социальное структурирование советского общества, так как в паспорте фиксировались не только национальность, но также классовая принадлежность, постоянное место жительства и место работы.

Большинство специалистов считают, что советская паспортная система была введена по причине того, что массовое разорение деревни и люмпенизация огромного количества населения вследствие коллективизации привела к неконтролируемой миграции в города и обострила продовольственную проблему.

На данный момент остаются актуальными такие вопросы как выяснение обстоятельств введения паспортной системы, выявление ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ географических аспектов распространения, практики осуществления полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияние на криминогенную обстановку в городах, оценка миграционных последствий.

ПЕРВАЯ ВОЛНА ПАСПОРТИЗАЦИИ СССР 1932–1940 гг.

Проработка вопроса о введении в СССР внутренних паспортов проводилась ОГПУ СССР по поручению Политбюро, для чего в октябре 1932 г. была создана особая комиссия по паспортной системе и разгрузке Москвы и Ленинграда и других крупных городов СССР от «лишнего населения», которой руководил заместитель председателя ОГПУ В.А. Балицкий. Комиссия изучила существовавшую в Российской империи систему учета и регистрации населения, а также зарубежный опыт. Особое внимание уделялось анализу последствий отмены внутренних паспортов (1923 г.) и введения упрощенного порядка получения идентификационных документов (1930 г.). Согласно выводам Комиссии, без внутренних паспортов институт прописки оказался неэффективным.

Итоги работы Комиссии, одобренные Политбюро, легли в основу двух постановлений ЦИК и СНК: «О введении единой паспортной системы в городах Союза ССР», «О системе учета и регистрации населения Союза ССР», а также инструкции «Об учете и регистрации

населения (прописке), регулировании въезда и выезда в гг. Москве, Ленинграде и Харькове». Паспортизация стартовала с постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» от 15 ноября 1932 г. (Вестник архива Президента, 1997). 27 декабря 1932 г. Центральным исполнительным комитетом СССР и СНК СССР принял постановление о введении в 1933 г. единой паспортной системы в стране и института прописки. В обязательном порядке она вводилась в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Ростове-на-Дону и Владивостоке (Собрание законов, 1932). Также указывалось на необходимость разработки очередности паспортизации остальных территорий СССР. Зимой-весной 1933 г. был принят еще ряд постановлений, регламентирующих порядок выдачи паспортов. Сначала их вводили в 100-км зоне от Москвы и Ленинграда и в 50 км от Харькова, с выселением оттуда сельских жителей, которым отказали в праве на получение паспорта. В апреле 1933 г. список паспортизуемых городов расширили за счет крупных промышленных центров: (Сталинск /Кузнецк, Новокузнецк/, Сталинград, Баку, Горький, Сормово, Магнитогорск, Хабаровск, Никольск-Уссурийск, Спасск, Благовещенск, Владивосток, Анжеро-Судженск, Прокопьевск, Ленинск, Челябинск, Грозный, Севастополь, Сталино, Пермь, Днепропетровск, Свердловск. В число паспортизуемых территорий попали также 100-км приграничная полоса вдоль западной границы СССР и поселения в полосе отчуждения важнейших железных дорог страны (РГАСПИ. Ф. 17). В итоге 30 городов СССР, в числе которых оказались обе столицы, города-новостройки, промышленные и приграничные города, а также города-курорты, получили статус режимных, где паспортизация проводилась в первую очередь.

В первой волне оказались Ленинградская, Западная и Московская области, Украинская и Белорусская ССР, Дальне-Восточный край. Ко второй очереди были отнесены: Уральская, Иваново-Промышленная и Центрально-Черноземная области, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Горьковский и Северо-Кавказский края, Крымская и Башкирская АССР, Закавказская СФСР. Третья очередь: Северный, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края и Татарская АССР. Сюда же отнесены крупные новостройки и отдельные города на территории Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Казакской, Киргизской, Кара-Калпакской и Якутской АССР. Срок кампании обычно ограничивался 2–3 месяцами. Для местностей, отнесенных к первой очереди, для которых не было принято специальных решений СНК СССР в том числе по срокам окончания, был обозначен временной диапазон с 1 апреля по 1 октября, для отнесенных ко второй очереди – с 1 июля по 1 декабря, для отнесенных к третьей очереди – с 1 октября по 31 декабря 1933 г. Паспортизацию Узбекской, Туркменской и Таджикской ССР, Казакской, Киргизской, Кара-Калпакской и Якутской АССР планировалось завершить к осени 1934 г. Со второй половины 1937 г. паспортизацию ввели на пограничных территориях на Кавказе и в Средней Азии. В сентябре 1940 г. паспортную систему распространили на территорию Бывшей Бессарабии и Северной Буковины (Собрание постановлений, 1940). 10 сентября 1940 г. СНК СССР принял постановление, вводившее в действие новое положение о паспортах.

Паспортизацию режимных городов провели в кратчайшие сроки. Следующим шагом стала паспортизация населения городов и поселений городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе «нережимных». В начале 1930-х гг. в СССР статус городов имело более 700 поселений, а более 500 относилось к рабочим поселкам и поселкам городского типа.

По мере расширения зоны паспортизации, охватывавшей все большее количество городов и поселений, начал меняться и статус режимных территорий. Так, на волне обмена паспортами 1936–1937 гг. выросло число режимных городов и этот процесс становится массовым с началом войны. Основанием к получению статуса режимного обычно становилось военно-промышленное значение города, либо его расположение в пограничной зоне. Так, 22 ноября 1937 г. Новосибирский обком ВКП (б) и президиум облисполкома постановили просить правительство отнести Новосибирск к категории «режимных» городов «в целях прекращения дальнейшего притока и очистки города от социально-чуждого и классово-враждебного элемента». Ходатайство было удовлетворено. Постановлением СНК СССР с 1938 г.

Новосибирск был отнесен к числу режимных местностей (с 1943 г. Новосибирск, имел статус города «республиканского подчинения» – авт.). В 1940 г. режимные города были разделены на две категории. Кроме Москвы и Ленинграда большинство столиц союзных республик получили статус режимных городов 1-й категории, хотя, например, Алма-Ата получила статус режимного города 2-й категории, который давался в основном областным центрам. К концу 1940-х гг. статус режимных имели уже 340 городов СССР (Реабилитация, 2000). Вслед за изменением статуса города, как правило, следовала кампания по «очищению города от социально-вредных элементов». В мае 1953 г. Совет министров СССР принял решение об отмене режимного статуса и паспортных ограничений, но уже в октябре 1953 г. от этого решения было решено отказаться.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ЕГО СПЕЦИФИКА

Прирост населения крупных городов, начавшийся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившаяся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсивным промышленным строительством, не могла не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалась установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. И к тому были основания: если в 1931 г. городское население составляло 31,8 млн. чел., то в 1932 г. – 35,6, а в 1933 г. – почти 38,4 млн чел. Миграция из сельской местности в города за 1926–1939 гг. превысила естественный прирост сельского населения страны, составив 18,5 млн чел. (Моисеенко, 2018). Механический прирост городского населения оценивался в следующих цифрах: в 1930 г. составил 2,6 млн, в 1931 г. – 4,1, 1932 г. – 2,7 млн. В целом в 1926–1939 гг. среднегодовой миграционный прирост в городах превышал 2,5 млн чел. (Прокопович, 1952). Пиковое значение было зафиксировано в 1931 г. Рост населения крупнейших городов СССР за период 1926–1933 г. иллюстрируют следующие данные: в Москве и Ленинграде то рост почти в два, Киев, Харьков, Баку, Горький (Нижний Новгород), Одесса, Ташкент, Тбилиси (Тифлис), Ростов-на-Дону – в полтора раза, Екатеринослав (Днепропетровск), Юзовка (Сталино), Царицын (Сталинград), Ново-Николаевск (Новосибирск), Казань – в два-три раза (Прокопович, 1952).

В 1932 г. планировалось проведение общенациональной переписи, которую перенесли на 1935 г., потом на 1936 г. В итоге перепись провели в 1937 г., но результаты засекретили. В ходе подготовки к проведению Всесоюзной переписи была предпринята попытка ввести единую типовую отчетность по механическому движению населения, зарегистрированному в городах, городских поселениях и паспортизированной сельской местности. При этом итоги переписи 1937 г. содержат лишь частичные данные по 179 городам РСФСР и 58 поселениям городского типа.

Оценить численность горожан накануне проведения паспортизации позволяют региональные городские переписи 1931–1932 гг., но, заметим, что и эти данные существенно расходятся с данным о численности населения городов непосредственно в ходе паспортизации. Наиболее динамичная ситуация была в городах-новостройках. Так, например, в Магнитогорске до паспортизации числилось 250 тыс., тогда как на момент ее проведения по документам оказалось лишь около 75 тыс. чел. (ГА РФ. Ф. Р-1235). Этот факт далеко не единичный. Подобные примеры дают основания утверждать, что паспортизация спровоцировала резкое уменьшение численности городского населения.

Миграция в города привела к появлению избыточной рабочей силы и высокой текучести населения, обострила жилищный кризис и продовольственную ситуацию. Стоит согласиться с мнением специалистов, что в начале 1930-х гг. имел место кризис миграционной политики, который возник из-за противоречия между наличием, с одной стороны, стихийного рынка труда, основанного на свободе передвижения и, с другой, огосударствлением экономики, в том числе сферы труда. Кризис стал явным результатом преднамеренной стратегии неравномерного развития городского и сельского секторов экономики (Kessler, 2001). При этом миграционный кризис и продовольственный кризис 1932 г. взаимозависимы, поскольку

государство оказалось не готово к такому резкому росту городского населения и обострению проблемы снабжения городов. В качестве решения данной проблемы было предложено ужесточить административный контроль в сфере миграции (Моисеенко, 2018). Именно в попытке обезопасить основные центры власти большевиков от потенциальной опасности перерастания продовольственных бунтов в народные восстания был предпринят ряд мер, направленных на избавление городов, признанных стратегически важными, от «ненадежных» элементов и усиление государственного контроля за притоком населения в города.

Ситуация в городах накануне паспортизации в плане миграции была весьма динамичной. Региональная статистика демонстрировала астрономический рост численности населения городов. Так, например, в течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в полтора раза, а некоторые территории, в частности Кузбасс, демонстрировали одни из самых высоких темпов урбанизации в стране. Паспортизация наглядно показала, что даже городские власти имеют весьма противоречивые представления о численности проживающего населения, затрудняются определить городскую черту, зачастую относя рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты к городам, не имеют планов и карт городской застройки, особенно когда речь шла о т.н. нахаловках.

Власть не афишировала, но и не скрывала цели и задачи, которые решались в связи с паспортизацией. В одном из первых постановлений о паспортизации, принятом за несколько дней до нового 1933 г. и опубликованном во многих центральных и региональных газетах, указывалось, что введение паспортной системы преследует цель «лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом..., а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов» (Собрание законов, 1932а). Региональные и местные власти понимали, что паспортизация преследовала политические цели, которые будут реализовываться репрессивными методами.

По ходу паспортизации паспортный режим становился все более разнообразным, выступая инструментом сегментации территории страны и провоцируя появление множества маргинальных групп, дискриминируемым по паспортным основаниям (Режимные люди, 2009). Самой многочисленной из городских когорт населения вплоть до 1936 г. оказались лица, лишённые избирательных прав. Регламент предписывал в режимных местностях не выдавать паспорта «уголовному и социально-чуждому элементу» и «удалять их из режимных местностей». Помимо лишенцев, по паспортным основаниям дискриминировались инвалиды, психические больные, иностранцы и апатриды, лица старше 60-ти лет, ссыльные, а также осуждённые по политическим мотивам (за исключением лиц, прикрепленных постановлениями ОГПУ к определенным предприятиям для работы) и некоторым уголовным преступлениям. Совершеннолетние дети ссыльных только с 1936 г. получили право на получение паспорта. В условиях частичной паспортизации некоторых поселений, в том числе райцентров, паспорта выдавались только служащим и работникам государственных предприятий (совхозов, МТС). Особый регламент существовал в отношении отходников. Лицам, занятым на производстве и прибывшим из сельской местности, давали только временные документы. Статус режимных городов разрешал найм рабочей силы только через оргнабор. Весной 1934 г. колхозникам разрешили отход, но только из тех колхозов, которые подписывали трудовые договоры с хозяйственными органами. Уход с работы на этих предприятиях лишал права проживания в городах и паспортизированных территориях. В сентябре 1934 г. правительство разрешило принимать на работу в паспортизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами (ГАРФ.Ф. Р-5446. Оп. 1.), но уже в начале 1935 г. законодательство вновь ужесточилось. Появилось требование получения паспорта до выезда на сезонную работу (Собрание законов, 1932b). Ограничения на возможность уволиться с производства были введены с лета 1934 г. в отношении работников 68-ми крупнейших оборонных предприятий страны. У них также были фактически изъяты паспорта, которые хранились на производстве (ГА РФ. Ф. Р-9415). С 1933 г.

стали действовать массовые ограничения на проживание в режимных местностях и паспортизированных территориях для лиц, освобождающихся из заключения и ссылки, а также для иностранцев.

Судить о масштабах миграции в городах периода паспортизации позволяют данные Рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ–НКВД и ОГПУ–НКВД. Отчеты о ходе кампании предоставлялись в типовой форме всеми регионами, где она проводилась. По данным на конец апреля 1933 г., в десяти крупных городах страны было выдано 6,6 миллиона паспортов, а отказано в выдаче документов 265 тыс. чел. (Попов, 1996). Имеющиеся материалы позволяют судить о количестве бежавших, «отказников» и высланных в добровольно-принудительном порядке. Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании. О его наличии свидетельствуют данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства; рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки; повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства; массовая распродажа имущества.

Отчеты милиции о ходе паспортизации в Москве и Ленинграде позволяют утверждать, что население каждой из столиц за период кампании удалось существенно сократить. Встречаются данные, что за первые четыре месяца 1933 г. убыль населения Москвы составила 214700 чел., а в Ленинграде – 476182 (Жирнов, 2009). В отчете Паспортного отдела ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу от 27 августа 1934 г. указывалось, что «в 1932 г. население города Москвы выросло с 3135000 до 3663300 чел., т.е. на 528300 чел. Если даже предположить, что население в Москве в 1933 г. росло в таких же пределах, то на 1 января 1934 г. оно должно было составлять 4191 тыс. Фактически же численность населения на 1 января 1934 г. составляла 3613600 чел... По Ленинграду на январь 1934 г. уменьшение против вероятной численности оценивалось в 300 тыс.» (ГА РФ. Ф. Р-1235; АП РФ. Ф. 3а). Темпы прироста населения столиц удалось сократить почти в два раза. С января по август 1933 г. из Москвы в связи с отказом в выдаче паспорта выселили почти 66 тыс. чел., в Ленинграде – 79 тыс. (ГА РФ. Ф. Р-1235). Однако отток из столиц способствовал росту населения в городах Московской и Ленинградской областей, расположенных за 100-километровой зоной. Власти Тулы, столкнувшиеся с наплывом отказников и высланных из Москвы, начали ратовать за предоставление городу режимного статуса (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 14а).

С апреля 1933 г. на спецпоселения стали появляться высланные из Москвы и Ленинграда. Самые массовые выселения в столицах прошли в июне-июле 1933 г. К середине августа 1933 г. через Западную Сибирь проследовали 129 тыс. чел., из которых 95 тыс. остались в регионе на спецпоселения (Спецтрудпоселения Западной Сибири, 2022). Есть данные, что за 11 месяцев 1933 г. из Ленинграда было выселено 78 тыс. чел. из числа «антисоциального элемента». По косвенным оценкам, высылку 1933 г. можно оценить в 300 тыс. чел. Есть неполные данные по открытым городам на август 1934 г., население которых за счет выселения уменьшилось за 2 месяца на 420 тыс. чел.; еще 110 тыс. выслали из Москвы и Ленинграда (ГА РФ. Ф. Р-1235.). Волна выселений захлестнула Ленинград в 1935 г., когда после убийства Кирова, в ходе которой выслано почти 40 тыс. чел.

Итоги паспортизации в РСФСР нашли отражение в отчете Паспортного отдела ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу за август 1934 г. В нем отмечалось, что кампания проведена в установленные сроки, за исключением трех национальных автономий (Каракалпакской, Якутской и Казахской АССР), где срок продлевался специальными решениями правительства. В РСФСР за 1932–1934 гг. было охвачено паспортизацией 27009559 чел., из них: в режимных местностях – 1200687 чел., вне режимных местностей – 14942572 чел. Отказано в выдаче паспортов 38422 чел., или 3,3 % от числа выданных паспортов. Выявлено 630613 нарушителей паспортной системы. За злостное нарушение правил паспортной системы: осуждены внесудебным порядком (главным образом, деклассированный и уголовный элемент) – 65661 чел.; предано суду – 3596 чел.; административно удалено – 175627 чел.; оштрафовано – 185080 чел. (ГА РФ. Ф. Р-1235).

Паспортизация Казахской АССР прошла в две волны. Первая волна: осень 1933 – лето 1934 г., ею были охвачены Алма-Ата, Семипалатинск, Чимкент, Актюбинск, Уральск и Петропавловск, с прилегающими к ним поселками, входящими в городскую черту. До остальных городов республики паспортизация дошла только в 1934–1935 гг. Старт второй волны паспортизации начался с осени 1934 г. Предусматривалось ее проведение в городах, рабочих поселках, райцентрах и курортах Казахстана. С 1936 г. начался обмен паспортов, выданных в 1933–1934 гг. и это кампания заняла еще два года.

5 мая 1933 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 марта 1933 г. Казкрайком ВКП(б) принял решение о начале паспортизации населения автономии (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 42). Принятие совместного постановления Президиума КЦИК и СНК КАСССР об организации адресных столов в городах и рабочих поселках от 31 марта 1933 г. дает основание утверждать, что власти, помимо вышеназванных городов, готовились к паспортизации города Джаркент, Челкар, Усть-Каменогорск, Каркаралинск, Караганда и Форт Александровск, а также р.п. Аягуз, Коунрад, Алга, Экибастус, Джекказган и некоторые другие. К маю 1933 г. был разработан и утвержден Москвой календарный план паспортизации КАСССР, в котором фигурировали Алма-Ата, Семипалатинск, Петропавловск, Чимкент, Уральск, Актюбинск, Джаркент, Лепсинск, Зайсан, Бахты, Риддер, Свинецстрой, Актюбхимстрой, Эмба-Нефть, Караганда, Карсакпай (ГАСКО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 62. Л. 95–95 об.).

Паспортизация столицы прошла осенью 1933 г. Резкий рост численности населения Алма-Аты начался с конца 1920-х гг. По городской переписи 1930 г. численность населения составляла 93 тыс. чел., а спустя два года – уже 132,6 тыс. чел. (Омарова и др., 2025). В течение 1926–1939 гг. население Алма-Аты выросло с 48,3 тыс. чел до 264,5 тыс. чел. Суммарный приток населения в Алма-Ату за 1930–1933 гг. составил 124,6 тыс. чел., в том числе миграционный прирост – 81,1 тыс. чел. На конец декабря 1933 г. паспорта в Алма-Ате получили только 26,3 тыс. чел. (ГА г. Алматы. Ф. 174. Оп. 20. Д. 3. Л. 122–12 об, 200, 209). Для Алма-Аты паспортизация 1933–1934 гг. не стала инструментом регулирования численности населения, в частности, она не повлияла на его прирост, хотя и позволила провести несколько кампаний по ликвидации несанкционированных поселений и выселению с городских окраин и рекреационных зон Алматинского ущелья. При этом избежать маргинализации окраинных районов города так и не удалось.

В марте 1938 г. Алма-Ата получила статус режимного города (СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 128). Получение этого статуса обеспечило возможность введения более жесткого паспортного режима. Уже в апреле 1938 г. постановлением ЦК КП(б)К была санкционирована «очистка города Алма-Ата от кулацких, бежавших, бандитских и иных элементов». В 1939 г. отселения из Алма-Аты были проведены в рамках двух общесоюзных кампаний, инициированных НКВД СССР: по «зачистке узловых железнодорожных пунктов 38 важнейших дорог страны» и в связи с принятием нового «Положения о принципах проведения паспортного режима в режимных местностях паспортах» от 27 июля 1938 г. (Тарасов, 2005). В мае 1940 г. горсовет принял решение о сносе самовольно построенных временных жилых построек (землянок) в радиусе 3 км железной дороги и железнодорожных станций Алма-Ата I и Алма-Ата II. В соответствии с новым Положением о паспортах, утвержденным постановлением СНК СССР от 10 октября 1940 г. за № 1667, Алма-Ата получила статус режимного города второй категории. В отличие от режимных городов 1-й категории, здесь разрешалось проживание лицам, отбывших наказание, но не по политическим статьям. Аналогичный статус в августе 1941 г. получил второй по численности населения город республики – Чимкент.

В зону паспортизации попали промышленные территории и крупные стройки союзного значения. В статусе «промзон» оказались р.п. Алга, пос. Карсакпай, поселения треста «Эмбанефть» в Западном Казахстане, города Караганда и Риддер. Статус «новостроек» был присвоен поселениям треста «Свинецстрой» (Алтайсвинецстрой, Усть-Каменогорск) и «Актюбхимстрой» (Алга). Чуть позднее в зоне паспортизации оказались поселения треста

«Прибалхашстрой. Несмотря на приоритеты модернизации, сроки паспортизации этих поселений сильно затянулись и были завершены только в 1935 г.

Промышленные города и рабочие поселки демонстрирующим высокие темпы прироста населения. Например, общая численность населения Караганды без близлежащих поселений оценивалась руководством города на декабрь 1933 г. в 100 тыс. чел. При этом перепись 1937 г. оценивает численность Караганды в 105 тыс. чел., а перепись 1939 г. – 165,8 тыс. чел. (Козина, 2000). Осенью 1933 г. по Карагандинскому угольному бассейну всего по было выдано около 23 тыс. Паспортов (ГА КО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 38. Л. 126), поэтому кампанию фактически продлили до начал 1935 г. В ходе ее проведения имел место отток населения, о чем свидетельствует рост числа как заявлений об увольнении, особенно с производства, так и брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки. Несмотря на то, что к марту 1935 г. на шахтах работало 5,6 тыс. Спецпереселенцев и в строительстве было занято еще 1,4 тыс. чел., это население преимущественно не паспортизировалось, хотя паспорта выдавали восстановленным в правах, а с 1938 г. запрет был снят в отношении детей спецпереселенцев выезжающих на учебу, но с ограничением въезда в режимные местности СССР (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 501. Л. 70). В июне 1939 г. согласно приказу НКВД СССР и Наркомата угольной промышленности, у занятых в угольной промышленности паспорта были изъяты. Взамен выдавались временные удостоверения сроком до года т.к. Указ Президиума ВС СССР 1939 г. предписывал обязательную выдачу паспортов населению проживающим в шахтных поселках (Тарасов, 2005).

За счет паспортизации промышленных зон и крупных строек пытались регулировать стихийный рынок труда, но на практике введение паспортов лишь усложнило наем отходников. С весны 1933 г. вводился новый регламент регулирования сезонного отхода колхозников на работу в города и на стройки, предусматривавший формат хознабора в рамках договора между промышленным предприятием и колхозом. Однако в сентябре 1934 г. в условиях высокого спроса на рабочую силу было разрешено оформлять временную прописку крестьян, прибывших на работу самостоятельно, т. е. вне хоздоговоров, но только из паспортизированных поселений. Уже с 1936–1937 гг. отход колхозников на работу на промышленные предприятия стали регулировать посредством квот, определяемых областной или городской властью. С 1938 г. набор колхозников-отходников повсеместно стал прерогативой облисполкомов. Практика самостоятельного отхода стала запрещаться не только для режимных, но и для нережимных паспортизированных территорий. С 1940 г. в рамках политики по плановому формированию трудовых резервов была введена практика трудовых мобилизаций, предусматривавшая обучение с последующим трудоустройством сельской молодежи в порядке призыва.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение 1933–1937 гг. в СССР было выдано более 117 млн паспортов, в том числе в первую волну (1933–1934 гг.) – около 50 млн, что в целом соответствовало численности паспортизированного населения страны. После обмена паспортов в 1936– первой половине 1937 гг. количество паспортизированных увеличилось лишь на 6 млн чел. Из этих 56 млн: около 35 млн чел. проживали в городах, 11,5 млн – сельской местности, еще 3,5 млн – на приграничных территориях. Паспорта получило население городов, рабочих поселков, районных центров, новостроек, мест расположения МТС, а также всех населенных пунктов в пределах 100-километровой полосы вокруг Москвы и Ленинграда, 50-километровой полосы вокруг Киева и Харькова, 100-километровой западной, восточно-сибирской и дальневосточной пограничных полос, территории Дальне-Восточного края и острова Сахалин, рабочие и служащие (с семьями) железнодорожного и водного транспорта. К 1940 г. паспортная система действовала в 1107 городах и 3915 районах центрах СССР, а паспортные ограничения распространялись на 175 городов и 460 районов страны (АП РФ. Ф. 3.).

В ходе проведения основного этапа паспортизации в 1933 г. властям удалось резко снизить масштаб миграции в города. Он оценивается на 1933 г. всего в 772 тыс. чел., но уже в

1934–1935 г. вновь произошло возвращение на показатели в 2,5 млн чел. (Прокопович, 1952). Паспортизация обострила проблему контроля за перемещением населения как в области учета, так и регулирования потоков, что дает основания говорить о низкой эффективности системы на старте кампании (Kessler, 2001). Главные задачи паспортизации начального этапа заключались в «разгрузке» городов от маргинального и люмпинизированного населения. Кроме того, на первый план вышла задача создания системы учета этих групп. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, а также ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асылбеков, М.-А. Х., & Жаргенова, А. М. (2001). Қазақстан халқы XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басында (1897–1917). Алматы, 25 б. // Asylbekov, M.-A. Kh., & Zhargenova, A. M. (2001). Kazakhstan khalqy XIX ghasyrdyng songy – XX ghasyrdyng basynda (1897–1917). Almaty, 25 b.
- Алексеенко, Н. В., & Алексеенко, А. Н. (1999). Население Казахстана за 100 лет (1897–1997). Усть-Каменогорск, 157 с. // Alekseenko, N. V., & Alekseenko, A. N. (1999). Naselenie Kazakhstana za 100 let (1897–1997). Ust-Kamenogorsk, 157 s.
- Вестник Архива Президента Российской Федерации. (1997). (6), 104. // Vestnik Arhiva Prezidenta Rossijskoj Federacii. (1997). (6), 104.
- Жирнов, Е. (2009). Не имеют права на паспорт 37 % граждан. Коммерсант Власть, 14(818), 3 апр. // Zhirnov, E. (2009). Ne imejut prava na pasport 37 % grazhdan. Kommersant Vlast', 14(818), 3 apr.
- Kessler, G. (2001). The passport system and state control over population displacement in the Soviet Union, 1932–1940. *Sahiers du monde russe*, 22(2), 477–504.
- Козина, В. (2000). Население Центрального Казахстана (конец XIX – начало XX в.) Книга 1. Алматы, 144 с. // Kozina, V. (2000). Naselenie Central'nogo Kazahstana (konec XIX – nachalo XX v.) Kniga 1. Almaty, 144 s.
- Моисеенко, В. (2018). Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы. *Демографическое обозрение*, 5(2), 135–136. // Moiseenko, V. (2018). Migracija iz sel'skoj mestnosti v gorodskie poselenija v SSSR v 1920-e gody. *Demograficheskoe obozrenie*, 5(2), 135–136.
- Омарова, А., Уалтаева, А., Маргулан, А. (2025). Демографическое и социокультурное развитие города Алматы в 1854–193 гг. *Отан тарихы*. Т. 28. № 1. 105–123. // Omarova, A., Ualtaeva, A., Margulan, A. (2025). Demograficheskoe i sociokul'turnoe razvitie goroda Almaty v 1854–193 gg. *Otan tarihy*. Т. 28. № 1. 105–123. https://doi.org/10.51943/2788-9718_2025_28_1_105-123
- Попов, В. А. (1996). Паспортная система советского крепостничества. *Новый мир*, (6), 203. (со ссылкой на: Архив Президента Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. 3, Оп. 158, Д. 116, Л. 116–120]. г. Москва, Россия.) // Popov, V. A. (1996). Pasportnaja sistema sovetskogo krepostnichestva. *Novyj mir*, (6), 203. (so ssylkoj na: Arkhiv Prezidenta Rossijskoj Federatsii. (n.d.). Arkhivnyi dokument [F. 3, Op. 158, D. 116, L. 116–120]. Moscow, Russia.)
- Прокопович, С. Н. (1952). Народное хозяйство СССР (Т. 1, 102 с.). Нью-Йорк. // Prokopovich, S. N. (1952). Narodnoe hozjajstvo SSSR (T. 1, 102 s.). N'ju-Jork.
- Реабилитация: как это было. (2000). Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы (Т. 1, с. 45–48). (со ссылкой на: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 26. Л. 24–29). // Reabilitacija: kak jeto bylo. (2000). Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy (T. 1, pp. 45–48). (so ssylkoj na: RGANI. F. 3. Op. 8. D. 26. L. 24–29).

- Режимные люди в СССР. (2009). / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН. // *Rezhimnye ljudi v SSSR*. (2009). / *Otv. red. T. S. Kondrat'eva, A. K. Sokolov*. M.: ROSSPJeN.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. (1932). № 84. Отдел первый. М.: Сов. законодательство, 516. // *Sobranie zakonov i rasporjazhenij Raboche-Krest'janskogo Pravitel'stva SSSR za 1932 g.* (1932). № 84. Otdel pervyj. M.: *Sov. zakonodatel'stvo*, 516.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1932 г. (1932а). № 50–84. Отдел первый. М.: Сов. законодательство, Ст. 517, 822–823. // *Sobranie zakonov i rasporjazhenij Raboche-Krest'janskogo Pravitel'stva SSSR za 1932 g.* (1932а). № 50–84. Otdel pervyj. M.: *Sov. zakonodatel'stvo*, St. 517, 822–823.
- Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. (1935б). № 21, Ст. 116. // *Sobranie zakonov i rasporjazhenij Raboche-Krest'janskogo Pravitel'stva SSSR*. (1935b). № 21, St. 116.
- Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. (1940). № 24, 808–814. // *Sobranie postanovlenij i rasporjazhenij pravitel'stva SSSR*. (1940). № 24, 808–814.
- Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1934 г. (1934). № 1–43. М.: Госиздат. Ст. 18. // *Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Raboche-Krest'janskogo pravitel'stva RSFSR za 1934 g.* (1934). № 1–43. M.: *Gosizdat*. St. 18.
- Спецтрудпоселения Западной Сибири в 1933 г.: повседневность комендатур, Назинская трагедия. (2022). Сборник документов / Сост. С. А. Красильников, О. В. Филиппенко. Новосибирск, 239–241. (со ссылкой на: Государственный архив Новосибирской области. (б.д.). Архивный документ [Ф. П-3, Оп. 2, Д. 363, Л. 163–165]. г. Новосибирск, Россия.) // *Spectrudposelenija Zapadnoj Sibiri v 1933 g.: povsednevnost' komendatur, Nazinskaja tragedija*. (2022). *Sbornik dokumentov / Sost. S. A. Krasil'nikov, O. V. Filippenko*. *Novosibirsk*, 239–241. (so ssylkoj na: *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. P-3, Op. 2, D. 363, L. 163–165]*. *Novosibirsk, Russia*.)
- Тарасов, А. (2005) Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX века: Диссертация на соискание звания кандидата юридических наук. Москва, 166 с. // *Tarasov, A. (2005) Pasportnaja sistema i pasportnyj rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX veka: Dissertacija na soiskanie zvanija kandidata juridicheskix nauk*. *Moskva*, 166 s.
- Архив Президента Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. 3, Оп. 158, Д. 192, Л. 192–193]. г. Москва, Россия. // *Arkhiv Prezidenta Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. 3, Op. 158, D. 192, L. 192–193]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Карагандинской области (ГА КО). (б.д.). Архивный документ [Ф. 15, Оп. 1, Д. 38, Л. 126]. г. Караганда, Казахстан. // *Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti (GA KO)*. (b.d.). *Arhivnyj dokument [F. 15, Op. 1, D. 38, L. 126]*. g. *Karaganda, Kazahstan*.
- Государственный архив Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. Р-1235, Оп. 141, Д. 1650, Л. 34–27]. г. Москва, Россия. // *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. R-1235, Op. 141, D. 1650, L. 34–27]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. Р-9415, Оп. 3, Д. 8, Л. 3–6]. г. Москва, Россия. // *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. R-9415, Op. 3, D. 8, L. 3–6]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. Р-5446. Оп. 1, Д. 501, Л. 70]. г. Москва, Россия. // *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. R-5446, Op. 1, D. 501, L. 70]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. Р-5446, Оп. 1, Д. 91, Л. 149]. г. Москва, Россия. // *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. R-5446, Op. 1, D. 91, L. 149]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Российской Федерации. (б.д.). Архивный документ [Ф. 5446, Оп. 14а, Д. 740, Л. 60–65]. г. Москва, Россия. // *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii*. (n.d.). *Arkhivnyi dokument [F. 5446, Op. 14a, D. 740, L. 60–65]*. *Moscow, Russia*.
- Государственный архив Северо-Казахстанской области (ГА СКО). (б.д.). Архивный документ

[Ф. 30, Оп. 1, Д. 62, Л. 95–95 об.]. г. Петропавловск, Казахстан. // Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti (GA SKO). (b.d.). Arhivnyj dokument [F. 30, Op. 1, D. 62, L. 95–95 ob.]. g. Petropavlovsk, Kazakhstan.

Российский государственный архив социально-политической истории. (б.д.). Архивный документ [Ф. 17, Оп. 3, Д. 921, Л. 65–66]. г. Москва, Россия. // Rossiiskii gosudarstvennyi arhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. (n.d.). Arhivnyj dokument [F. 17, Op. 3, D. 921, L. 65–66]. Moscow, Russia.

Специальный государственный архив МВД Республики Казахстан (СГА МВД РК). (б.д.). Архивный документ [Ф. 12, Оп. 1, Д. 201, Л. 128]. г. Астана, Казахстан. // Special'nyj gosudarstvennyj arhiv MVD Respubliki Kazahstan (SGA MVD RK). (b.d.). Arhivnyj dokument [F. 12, Op. 1, D. 201, L. 128]. g. Astana, Kazakhstan.

Сведения об авторе

Аблажей Наталья Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Российская Федерация, E-mail: ablazhey@academ.org, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Автор туралы мәліметтер

Аблажей Наталья Николаевна - тарих ғылымдарының докторы, Сібір бөлімшесінің тарих институтының жетекші ғылыми қызметкері, Новосібір қ., Ресей Федерациясы, E-mail: ablazhey@academ.org, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Information about the author

Natalia Nikolaevna Ablazhey – Doctor of Historical Sciences, a leading researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, E-mail: ablazhey@academ.org, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>